

О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ К ИССЛЕДОВАНИЮ ДИНАМИКИ ВНУТРИГЛАГОЛЬНОЙ ПРЕФИКСАЦИИ

Л. В. ТАБАЧЕНКО

Развитие приставочной внутриглагольной деривации связано с формированием категорий предельности, результативности и вида, а также с изменениями в синтаксисе — вытеснением беспредложных форм предложно-падежными свободными синтаксемами. Семантическая эволюция приставок отражает формирование новых когнитивных структур, ориентированных на аспекты протекания действия и актуализацию анимального плана глагольной ситуации в качестве источника результативности и объектности.

Словообразовательная динамика тесно связана с историей морфологических категорий, развитием синтаксиса, лексики, базовых понятийно-семантических категорий. Непосредственным образом это относится и к истории глагольных приставок — языковых единиц, статус и тенденции развития которых являются предметом непрекращающихся дискуссий.

Исследование истории глагольных приставок, прошедших путь от реляторов адвербиального происхождения до основного носителя значения словообразовательного типа (СТ), парадоксального аффикса, который, «по существу, является одним из автономных семантических центров высказывания, а иногда даже целого текста»¹, не может ограничиваться только рамками исторической дериватологии. Развитие приставочной внутриглагольной деривации связано с формированием категорий предельности, результативности и вида, а также с изменениями в синтаксисе и с формированием новых когнитивных структур полиситуативного и полипропозиционального характера, что еще не становилось объектом внимания историков языка.

Остановимся на ряде основных условий, причин и тенденций развития внутриглагольной префиксации.

1. Развитие внутриглагольной префиксации, в частности движение приставок от внешних пространственных маркеров до структурообразующих элементов на уровне предложения, было бы невозможно без появления предлога, усиления его роли, развития свободных предложно-падежных синтаксем.

В праиндоевропейском языке, как указывали исследователи индоевропейских и славянских языков, в частности А. Мейе, И. М. Тронский, А. Вайан,

¹ Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998. С. 255.

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, имелись неизменяемые слова, близкие к наречным, — реляционные элементы, которые были самостоятельны и по отношению к имени, и по отношению к глаголу. Позиция и функции этих слов связываются исследователями² с переходом от одной структуры синтаксического ядра предложения к другой: от структуры OV к структуре VO (где V — глагол, O — объект). Реляционный элемент (-р-) (по происхождению — независимое имя), который соотносился и с объектом, и с глаголом, располагался в позиции между этими членами. В структуре -VpO- этот реляционный элемент является «одновременно предлогом в отношении именной компоненты синтагмы и постпозитивным адвербом в отношении вербальной компоненты. Такой тип языка представляет английский язык, в котором конструкции типа *to look at him* ‘смотреть на него’, *to run away from him* ‘убежать от него’ содержат реляционные элементы *at, away, from*, являющиеся одновременно предлогами, соотносящимися с именем, и адвербами, соотносящимися с глагольной формой, ср. конструкции типа *whom do you look at?* ‘На кого ты смотришь?’, *whom do you run away from?* ‘От кого ты убегаешь?’...»³ При перестройке структуры праиндоевропейского предложения «высвобождается левая валентность глагольной лексемы и возникает возможность присоединения к ней префиксальных элементов, которые и возникают из древних реляционных элементов при глаголе, а также из частиц и отдельных местоименных элементов»⁴. На базе реляционных элементов сложился тип предлогов (в сочетании с именем) и приставок (в сочетании с глаголом).

Памятники письменности древнерусского языка сохранили реликтовые конструкции с приставочными глаголами, включающие беспредложные формы имени существительного, обозначающие пространственный ориентир, по отношению к которому приставка указывала на конкретный тип локализации. Беспредложные формы имени существительного при приставочных глаголах были структурно и семантически несамостоятельны (связанные синтаксемы): форма Вин. п. в конструкциях *обстояти, обѣдѣти, облежати городъ; вѣнити городъ*; форма Дат. п. в конструкциях *прѣдстояти, пристояти прѣстолу; прити городу*; форма Род. п. в конструкциях *отити города, доити города*. Эти беспредложные синтаксемы вне сочетания с глаголами не имели самостоятельного пространственного значения, в отличие от свободных, семантически самостоятельных, обладающих синтаксической семантикой и вне глагольной конструкции: *вокруг города, перед престолом, у престола, в город, к городу, от города, до города*⁵. Вытеснение беспредложных форм имени существительного предложно-падежными при глаголах движения и положения в пространстве происходило еще в дописьменный период, и в древнерусских памятниках письменности наблюдается параллельное употребление беспредложных и предложных форм при пре-

² Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Ч. 1.

³ Там же. С. 356.

⁴ Там же. С. 357.

⁵ О типологии синтаксем см.: Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

обладании последних: (988): *Володимеръ же обьстоя градъ. изнемогаху въ градѣ людѣ*. Лавр. лет., 109; (1093): *И стояша около града недѣль ѿ*. Там же, 221; (1174): *и остояша [вар.: и стояше] около города ѿ недѣль*. Ипат. лет., 576⁶. При глаголах движения (приставочных и бесприставочных) также сохранялись реликты беспредложных падежных форм, позднее вытесненных предложными, например: *не имаша отити мене* (Ж. Феод. Печ.). Усп. сб., 30а; (1188): *и дошьдь Пльскова разболеся*. Новг. I лет., 39; (1096): *Поиду Киеву*. Лавр. лет., 229.

Эти факты свидетельствуют о перемещении локально-обстоятельственной характеристики действия с приставки на форму имени существительного. В праславянском и древнерусском языках это происходит за счет опредложивания форм имени существительного. В истории русского языка наблюдается тенденция к наделению формы имени структурной и семантической самостоятельностью, к освобождению ее от диктата глагола и к семантизации синтаксических отношений между глаголом и формой имени. Поэтому в конструкциях и со стательными глаголами, и с глаголами движения беспредложная форма связанного типа вытесняется свободной предложно-падежной синтаксемой. Но, поскольку у основ предельных глаголов, в частности глаголов движения, не возникало противоречия с развившейся предельностью локальных приставок, при вытеснении беспредложных форм предложными у глаголов приставки сохранились (*отити города* → *отойти от города*, *доити города* → *дойти до города*, *вниту городъ* → *войти в город*, *приту городу* → *прийти к городу*, *в город*). В конструкциях со стательными глаголами приставочные дериваты были полностью вытеснены (*обстояти городъ* → *стоять вокруг города*, *простояти прѣстолю* → *стоять у престола*), а словообразовательные типы с пространственными приставками утрачены. Причины их исчезновения связаны с развитием у префиксов значений предельности и результативности, наложившим ограничение на сочетаемость пространственных приставок со стательными основами.

2. Взаимодействие префикса и глагольной основы в одной лексеме сформировало понятие предела действия (приставки, присоединяясь к глаголам, «ограничивают значение действия обстоятельностью его проявления»⁷), а затем результативности как частного проявления предельности, что в оппозиции к понятию процессуальности легло в основу грамматической категории вида. Лексико-семантическая категория предельности / неопредельности сформировалась в результате «обобщения отдельных способов действия праславянского глагола»⁸.

Локально-предельное (локально-результативное) значение приставки приходит в противоречие со стательностью и связанной с ней онтологической неопредельностью основ, обозначающих «действия», не имеющие внутренней направленности на предел. Именно из-за развития у приставок значений предельности исчезают словообразовательные типы стательных глаголов с простран-

⁶ Сокращения названий памятников письменности даны по образцу «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (Справочный выпуск. М., 2001).

⁷ Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865. С. 178.

⁸ Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958. С. 18.

ственными приставками, в частности с префиксами *за-*, *на-*, *над-*, *об-*, *под-*, *пред-*, *при-* и др. (*застояти*, *належати*, *надстояти*, *обстояти* и т. п.⁹).

3. Развитие у всех приставок значений предельности и результативности, наслывшихся на древнее пространственное значение, стало важным этапом в их семантической эволюции. Именно в лоне результативности в процессе семантического «заражения» от глагольных основ и от контекста развивается большинство производных значений глагольных приставок. Возникает вопрос: какова же роль и доля древней пространственной семантики в этих значениях? На наш взгляд, анализируя влияние исходной семантики на последующие значения, следует говорить не о пространственном, а о генетико-прототипическом значении. Это некая исходная обобщенная идея, которая может присутствовать в производных значениях в виде семантического компонента. Первичными значениями были пространственные, чувственно воспринимаемые, но одновременно в них уже формировались абстрактные идеи, семантические «образы» этих приставок, которые делали возможным перенесение этой прототипической семантики на другие, более абстрактные классы действий, отношений и состояний. Эта прототипическая семантика приставок, как правило, сохраняется в виде семантического компонента в многочисленных непространственных приставочных глаголах: *отжить* — «отделительность» субъекта от действия вследствие невозможности его продолжения¹⁰, *прожить* — направленность процесса вперед, сквозь временной промежуток, *выжить* — результативность, сохраняющая, на наш взгляд, несколько стертый образ движения изнутри наружу, извлечения.

Однако следует присоединиться к мнению М. В. Нефедьева о том, что не все вторичные значения приставок сохраняют генетико-прототипическое значение, связанное с пространственным. Многие приставки при развитии вторичных значений прошли этап определенной десемантизации при соответствии их семантики значению мотивирующей основы. Это привело к нейтрализации соответствующей семантики префикса, значение которого стало расцениваться как результативное. При присоединении к глаголам с общим семантическим полем делокализованная результативная приставка постепенно наполнялась, или «заражалась», их семантикой, что приводило к образованию новых вторичных значений. Они отличаются от значений, связанных с первичным пространственным и оформившихся на базе многозначности, тем, что восходят непосредственно или опосредованно к семантике результативности. После того как новое значение закрепляется за приставкой, происходит процесс расширения круга мотивирующих основ и префикс вносит в дериват только это новое вторичное значение¹¹. Механизм семантического «заражения» от основ и от контекста является

⁹ Подробнее см.: Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2010. № 1. С. 7–31.

¹⁰ Об «отделительном» компоненте в финитивном значении как «о переходе субъекта в определенное состояние, в котором он уже не способен совершать данное действие» см.: Кронгауз М. А. Глагольная приставка, или координата времени // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 155.

¹¹ О процессах десемантизации приставок и их семантического «заражения» от основ см.: Нефедьев М. В. Глаголы с приставками *на-*, *об-* (*обо-*) в русском языке XI–XVIII вв.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. С. 190–194.

основным в эволюции префиксов. В результате этого процесса формируются новые значения приставок на базе результативных, например значение ‘причинить ущерб кому-н., обмануть с помощью действия, названного мотивирующим глаголом’ у приставки *об-* в глаголах *обсчитать*, *обвесить*, *обмерить* и др.¹²

Не все приставки проходили этап десемантизации, их семантическая эволюция связана с трансформацией генетико-прототипического значения приставки под воздействием семантики основ. К этому направлению относится, например, развитие семантической структуры приставки *над-*. Значение ‘сверху чего-л.’ (*надълежати* ‘лежать на чем-л., поверх чего-л.’) в результате взаимодействия с основами и семантического «заражения» от них трансформировалось в следующие основные значения: а) ‘незначительное увеличение объекта с верхнего краю’: *наддѣлати* ‘надстроить что-л.’, семантический компонент ‘верх’ указывает на то, что действие производится не над всем объектом, а только над его частью, что порождает сему ‘незначительность’. В результате абстрактивации значения ‘увеличение объекта с верхнего краю’ при отсутствии конкретного объекта возникло значение ‘сделать сверх положенного’: *надвзяти*; б) ‘незначительное разрушение целостности в одном месте поверхности или края’: *надтинати* ‘надсекать’, в сочетании с деструктивными основами приставка реализует семантический компонент ‘незначительность’, в который в предыдущей группе трансформировался ‘верх’. На основе метафоризации развивается значение ‘приведение в негодное состояние в результате чрезмерного напряжения’: *наддорвати* ‘надсадить, надорвать (чрезмерной нагрузкой)’; в) ‘наблюдение’: *надвидѣти* ‘видеть, наблюдать сверху’. На его основе развилось значение ‘унижение’ (*надсмѣвати* ‘смеяться над кем-л., высмеивать кого-л.’)¹³.

4. Результативность и предельность, заложенные в приставке, с одной стороны, как уже указывалось, стали одним из источников формирования категории вида, с другой — могли переноситься, во-первых, на ось времени и на количественно-оценочный характер протекания действия (формирование способов действия в рамках модификационного типа словообразования), во-вторых, на смежные ситуации полиситуативного комплекса, обозначаемого глаголом (мутационный тип деривации)¹⁴. В первом случае отдельные отрезки времени могут мыслиться как временные ограничители действия (*досидеть до вечера*) и как особые объекты, что делает приставочные глаголы переходными (*досидеть последние часы, отсидеть день, посидеть час, просидеть вечер*). Генетико-прототипическое значение приставки, взаимодействуя с результативным, трансформируемое семантикой производящего глагола и контекстуального окружения, формирует тот или иной аспектуальный оттенок, проявлявшийся сначала только

¹² Нефедьев М. В. Указ. соч. С. 165–166.

¹³ О семантической сети этой приставки в современном русском языке см.: Кронгауз М. А. Опыт семантического описания приставки *над-* // Московский лингвистический журнал. Т. 5. № 1. Глагольные префиксы и префиксальные глаголы. М., 2001. С. 85–94; в истории русского языка см.: Табаченко Л. В. Глаголы с приставкой *над-* в истории русского языка // Предложение и слово: Межвузовский сб. научных трудов. Саратов, 2002. С. 637–678.

¹⁴ О модификационных и мутационных типах глагольной деривации см.: Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.

в контексте и позже (в конце старорусского периода) оформившийся в самостоятельное значение различных способов действия — финально-комpletивного, комpletивно-партитивного, финитивного, ограничительного (делимитативно-го), длительно-ограничительного (пердуративного) и др. «Вся современная разветвленная система СГД (способов глагольного действия. — Л. Т.) представляет различные реализации предельности»¹⁵.

В это же время начинают развиваться и мутационные СТ, обозначающие новую ядерную ситуацию полиситуативного комплекса в сферах физиологического, ментального, психологического, социального. Н. В. Лебедева выделяет следующие «факторы “умножения событий” внутри одной ситуации: а) распределение по разным сферам жизни (к примеру, человек спит, т. е. представлен в физиологической сфере, но в это же время он “распределен” в социальной сфере: ждет поезда); б) выполнение разных функций в одной сфере (в социальной сфере может быть много функций: человек спит, но в это же время в социальной сфере он выполняет несколько функций — ждет поезда, едет в командировку, работает в университете, замещает заведующего кафедрой, участвует в шуточном соревновании по продолжительности сна); в) участие в разных аспектах происходящего (человек спит, но в это же время он отдыхает, ворочается, храпит, придавливает массой своего тела окружающие предметы и пр.). Поэтому-то человек может *СПАТЬ* и *ПРОСПАТЬ поезд, занятия в университете, свою жизнь... участвовать в соревновании “кто кого ПЕРЕСПИТ”*; *НАСПАТЬ силы, ВЫСПАТЬСЯ, ОТОСПАТЬСЯ; ЗАСПАТЬ ребенка*»¹⁶.

С анимальностью субъекта, его расщеплением на физическую (положение в пространстве) и физиологическую (кровообращение, функционирование членов тела) стороны, где пациентом выступает физиологическая сторона, связаны, например, такие приставочные глаголы, как *отлежать (бок)*, *отстоять, отсидеть (ноги)*, *належать (пролежни)*, *пролежать (бока)* и др. «Непереходные глаголы со значением статичных положений одушевленного субъекта в пространстве, включающие элемент физического контакта, следовательно, — взаимодействия частей этого тела с предметами, содержат потенциальную имплицитную результативность, поскольку в роли пациента может оказаться эта часть тела»¹⁷.

Одушевленность участников ситуации, особенно субъекта, — основной фактор увеличения полиситуативности глагола и его результативности. Мутационные СТ базируются на активности субъекта, на его представленности не только в пространственно-временном, но и в анимальном, психологическом, ментальном, социальном планах — в комплексе смежных ситуаций, объединенных одним участником (моносубъектные) или содержащих два и более субъектов (би- и полисубъектные структуры)¹⁸. Происходит семантическое усложнение

¹⁵ Малегина Е. Н. Развитие начинательного способа глагольного действия в русском языке XI–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. С. 9.

¹⁶ Лебедева Н. Б. Полиситуативный анализ глагольной семантики. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2010. С. 23.

¹⁷ Там же. С. 169.

¹⁸ Там же. С. 50–60.

субъекта, возможно выделение в нем сторон, могущих осознаваться как объект, создаются неисчерпаемые возможности для проявления новых результативных типов на основе словообразовательной мутации.

В современном русском языке мутационные СТ представляют собой развивающееся, набирающее силу явление, например «добыть, получить, найти что-н. посредством действия, названного мотивирующим глаголом»: *выбегать* (что-л.), потенц. *выходить*, *выстоять* (пенсию); «истратить, израсходовать что-л. на действие, названное мотивирующим глаголом»: *проест*, *пропит*, потенц. *протанцевать* (в клубе), *просидеть* (в кафе) всю стипендию; «превзойти другого с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»: *перетанцевать*, *перепеть*, потенц. *перекламмировать*, *пересочинять*.

На грамматико-семантическом уровне результативность явилась той колыбелью, в которой в результате семантического «заражения» от основ с возможным влиянием генетико-прототипического значения приставки развивались новые словообразовательные типы. На когнитивно-коммуникативном уровне при их формировании проходила глубинная перестройка ситуаций, этими СТ называемых: шли процессы образования и кристаллизации новых когнитивных структур, ориентированных, с одной стороны, на аспекты протекания действия, его количественно-оценочный характер (модификационные СТ) и, с другой, на актуализацию физиологического, психологического, ментального и социального планов в качестве источника результативности и объектности, что приводило к формированию новой ситуации в качестве ядерной (мутационные СТ).

Таким образом, проведенное исследование еще раз подтверждает необходимость комплексного подхода к изучаемым объектам и учета всех их межуровневых связей. В частности, исследование динамики внутриглагольного приставочного словообразования невозможно без учета развития категорий предельности, результативности и вида, синтаксического окружения, а также глубинных семантических категорий, связанных с ментальным расщеплением субъекта на несколько сторон и осмыслением его не только как физического объекта, но и как субстанции живой, ментальной, социальной и духовной.

Ключевые слова: история русского языка, глагольные приставки, предлоги, предельность, результативность.

ON THE INTEGRATED APPROACH TO THE STUDY OF DYNAMICS OF VERBAL PREFIXATION

L. TABACHENKO

The development of prefixal verb derivation is related to the development of boundedness, resultative and aspectual categories, as well as syntactic changes, namely

the replacement of non-prepositional forms with free prepositional phrases. Semantic evolution of prefixes reflects the formation of new cognitive structures, oriented towards the aspects of flow of action and the actualisation of the animate plan of verbal situation as the source of resultativeness and objectness.

Keywords: history of the Russian language, verbal prefixes, prepositions, boundedness, resultative.